

ОТСТАВНОЙ ПРАГОРЩИК ФАТЕЕВ

ЗАЯВЛЕНИЕ
на увольнение

ПРИКАЗ
о приеме на работу

Сергей Луцкий
г. Жуковский Московской обл.

рассказ

Ангелы оказались совсем не такими, какими их представляют. Никаких белых хламид, никаких крыльев. И лица скорее озабоченные, а не благодные. Ангелы взяли его под руки и вроде как полетели. А может, вместе с ним телепортировались. Они о чем-то между собой говорили, слова были русские, но он ничего не понимал.

Времени там не существовало, всё происходило без всякого смысла, кусками. Какое-то пространство, вроде как большой зал, не светлый и не темный. Появлялись зеленые фигуры ангелов, произносились фразы, значение которых было непонятно. Сколько так продолжалось, он не знал. Потом, видно, его вернули. Решили, что рано. И вот тогда он очутился в реанимации, лежал совершенно голый под ка-

пельницей. Оказалось, на работе потерял сознание. Обширный инфаркт.

Понятно, Фатеев испугался. Выписавшись из больницы, сразу подал заявление. Директор школы отпускать не хотела: «Как же мы без вас, Евгений Герасимович? Я за вами была как за каменной стеной». Он вежливо улыбался, однако заявления не забрал. Слышать такие слова приятно, но пожить ещё хочется. Зам по хозяйности — собачья должность. Мало того, что с техническим персоналом воюешь — халтурят или прогуливают на почве пьянки. Так ещё в последние годы развелась уйма писанины. Чтобы купить, скажем, упаковку мощного средства, нужно сто бумажек оформить. Понятно, сердце не выдерживает. А если учесть, сколько лет ему пришлось иметь дело с солдатами, так вообще.

* * *

Томиться Фатеев начинает с утра. Казалось бы, спи хоть до двенадцати, с толком завтракай, никуда не спеши...

Не получается. Просыпается он затемно, радиоточка на кухне ещё молчит. «Старческая бессонница», — усмехается Фатеев. Старым он себя не считает.

Какое-то время он лежит в постели, прикидывает, чем можно заняться. Дел никаких, но заснуть больше не получается. Летом нормально. Летом пошёл на участок, там всегда найдется чем заняться. Подшаманил будку, прополол грядки, выкосил траву вдоль штакетника. Всё не спеша, спокойно, прислушиваясь к самочувствию. А вот зимой или в межсезонье...

Это сейчас не спится, а как тяжело было подниматься в детстве. Мать не раз подойдет, потормошит. Кажется, уже встал, оделся, пошел в туалет. Лишь подпустив в трусы, поймешь, что это снится. Или когда ходили за смородиной к бывшей мельнице. Подниматься надо было часа в четыре, самый сон, по дороге вымокнешь в росе, холодно, зубы чечетку выстукивают...

Полеты в космос, интернет — ерунда. Вот если бы человек научился складировать время, а потом брать сколько надо — это было бы да! Сейчас время приходится убивать, грубо говоря. В детство бы его, в утренние часы. Или к отпуску, когда работал.

Телевизор в комнате не включишь: Валентина проснётся. Она ещё работает, пусть поспит. Фатеев поднимается и осторожно, стараясь не скрипеть полом, уходит на кухню. Включает свет, принимает утреннюю порцию таблеток. Это обязательно, Валентина проверит. Потом садится за стол и берет в руки газету. Начинает изучать с первой до последней страницы. В том числе скучное приложение, официальный бюллетень районной администрации.

Кухонное окно по-прежнему черное, глухое. Фатеев, поглядывая на своё отражение в темном стекле, принимается осторожно рыхлить землю в горшке на подоконнике. Здесь растет огурец. Семечко он посеял в конце января, росточек слабый, не хватает света. Фатеев каж-

дый день по несколько раз подходит смотреть, как огурец себя чувствует. Всё интерес в нынешней жизни.

Он дожидается, когда проснется Валентина. Представляет, как жена зажжет лампадку, грузно, обтягивая ночнушкой бедра, опустится перед складнем на колени. Вот уж никогда не думал, что жена с возрастом станет религиозной. Уже несколько лет она ездит в город в церковь, на Пасху — обязательно. «Что за грехи у тебя такие, чтобы отмаливать?» — «У каждой женщины есть, — отвечает Валентина. — У мужчин, между прочим, тоже». И смотрит со значением. В молодости, ещё когда жили в гарнизоне, она сделала аборт. Забеременеть с той поры больше не могла, живут они вдвоем.

Фатеев в Бога не верит, но увиденное во время инфаркта не даёт покоя. Конечно, в таком состоянии всё что угодно может показаться. В газетах и по телевизору рассказывают, типа, тоннель, по которому несётся душа. А некоторые видели сверху, как над их телами хлопочут реаниматоры. Человеческая психика явление тонкое, малоизученное. Прохиндеев, желающих погреть на этом руки, хватает. Но так явственны были и сумрачное пространство, и непонятные разговоры, и зелёные ангелы. Их самих хоть рукой трогай.

«Может, меня вернули с какой-то целью?..» — натывается Фатеев на беспокойную мысль. И тут же хмыкает: от Валентины заразился! Конечно, хорошо, что не сдубился, копыта не откинул, но что такое он натворил, чтобы вернули искупать? Если даже предположить, что Бог есть. Ну, гонял солдат, когда был старшиной. Не давал спуска техникам и дворнику со столбам — тоже да. Зато был порядок в школе, и казарма блестела, как котовы яйца. На него обижались, называли «куском». После того как уволился из школы, многие в упор не видят. Так что, надо было поощрять разгильдяйство, лишь бы нравиться?! Популизмом заниматься? Вот это и был бы грех, если уж серьёзно!

Мысли уверенные, четкие, на них стоит жизнь Фатеева. Но что-то всё же не дает покоя. Он не из тех, кто к старости начинает креститься и ходить в церковь — на всякий случай. Его воспитали в атеизме, при таком характере это

на всю жизнь. Старого пуделя новым фокусам не выучишь. Но, может, действительно вернули для чего-то?

Для чего?..

Воду кипятить рано, Валентина поднимается в половине седьмого. Однако нужно чем-то занять себя. Фатеев натягивает на кран патрубок фильтра, подставляет чайник и слегка поворачивает барашек. Чем меньше напор, тем чище вода. Опять же время идет. Напитки у них с женой теперь разные, у неё кофе, у него чай. Раньше Фатеев тоже пил кофе, но сейчас нельзя. Чай он заварит сразу, пусть настаивается, а кофе Валентине сделает, когда она сядет завтракать.

Последнее время мысли всё чаще сворачивают на детство. Почему — неизвестно. Можно подумать, ничего другого хорошего в жизни не было. Глядя на льющуюся в чайник тонкую струйку, Фатеев представляет, как ходили за смородиной. Кусты одичали, стояли в высокой росистой крапиве, чтобы пройти к ним, нужно было её раздвигать, выставив вперед локти. От дома мельника остались полуразвалившиеся бревенчатые стены, от самой мельницы несколько черных свай в воде. Это когда он был пацаном. А лет двадцать до того гудели жернова, подрагивал пол, пахло мукой. Белый мельник выходил во двор, там полно было телег и колхозных ЗИСов, кивал следующему по очереди. Парень или молодой мужик торопливо взваливал на спину мешок, тяжелым шагом двигался к темному проему мельничной двери. Поднимался на помост, развязывал мешок и сыпал шуршащее зерно в бункер над жерновами... Мамин брат дядя Миша рассказывал.

И ведь жили когда-то эти незнакомые люди с тяжёлыми мешками пшеницы, разное с ними случалось, всё, что полагается в жизни, испытali — и никого уже нет. Дяди Миши давно.

Фатеев недовольно поводит головой. Ему всего пятьдесят три, отец прожил восемьдесят, хотя работал в колхозе. Рано о смерти думать.

Наконец оживает радио. Сначала, естественно, гимн. Как теперь, Фатеев не знает, а раньше в «Родной речи» печатались слова. Пацаны переиначивали: союз нерушимый бежал за машиной... Учительница ругалась, стыдила.

А им было до лампочки. В сентябре парты пахнут масляной краской, белёные стены классов известкой, ребята за три месяца вытягивались, захлеб ввали о летних приключениях...

Любимая игра осенью была в каштаны. В углу школьного двора выкапывалась ямка, в неё требовалось попасть каштаном. Под деревьями их, коричневых и гладких, словно полированных, было полно, но весь смак в том, чтобы выиграть. Карманы и портфели лопались от них. Потом каштаны ссыхались, теряли глянец, становились ребристыми...

Вообще-то, странное дело — вера. Любая. В его роте был солдат, который не хотел принимать присягу. Христианин, но какого-то особого разлива, им нельзя брать в руки оружие. Кто только с этим парнем не говорил — и замполит, и в военную прокуратуру регулярно таскали. Отказывался. Из нарядов на кухню не вылезал, пропах посудомойкой, а всё равно. Подобное поведение Фатееву понравиться, конечно, не могло, но уважение вызывало. Крепкий орешек. Потом парня куда-то из роты забрали, как сложилось у него дальше — неизвестно.

Или такое. По телевизору рассказывали, что первых христиан травили дикими зверями, а они не отрекались. Считай, те же революционеры. Сейчас насчет большевиков много чего выяснилось, а ведь тоже на смерть шли. Потому что верили — жизнь может быть честной и справедливой. Не их вина, что вожди кинули.

«Для чего все-таки вернули?..»

* * *

— ...Валя, в реанимации персонал в чем ходит? В зеленом? — спрашивает он у жены, когда та садится завтракать.

Валентина внимательно смотрит на него. Она только что из ванной, лицо свежее, молоджавое.

— Чего это ты вдруг?.. Лекарства пил?

Насчет лекарств Фатеев пропускает мимо ушей. Ему важно подтвердить или опровергнуть догадку об ангелах. Но и волновать Валентину лишний раз не стоит. Она сама чуть не слегла, когда он попал в реанимацию.

— Интересно. Ты медик, должна знать.

Он делает вид, что спросил как бы между прочим. Хлопочет у стола, режет хлеб, намазывает маслом, сверху накрывает колбасой. Это себе, Валентина постится. В её кружке Фатеев заваривает растворимый кофе, в свою наливает жидкий чай. И всё это с озабоченным лицом, будто никаких других мыслей у него нет. Но Валентину не обманешь.

— Жень, мы с тобой договорились. Не зацкивайся. Просто надо беречь себя, такое у нас время настало.

— Я не зацкиваюсь. Так в чём персонал в реанимации ходит?

— Ты как репей, честное слово! Откуда я знаю? В школе уже столько лет. Когда в гарнизонном госпитале работала, все в белых халатах ходили.

Фатеев на секунду останавливается, прикрыв глаза, раздувает ноздри. Запах кофе заполнил кухню. Но нельзя.

— Ну, ты хитрованка!.. Не хочешь — не говори.

Валентина искренне удивляется:

— С какой стати мне скрывать? В самом деле не знаю. Может, как раньше, в белом ходят, может, в чем другом. Я теперь столько знаю, сколько ты.

Фатеев снисходительно усмехается. Давай-давай!..

Отношения у них с Валентиной правильные. Он и раньше уважал её, не гонял, как другие прапорщики жён после полочки. Теперь тем более — им вместе доживать. А то, что нет детей, заставляет особенно беречь друг друга. Никому они не нужны, только самим себе. Такое не говорится вслух, но понятно обоим.

Однако это не значит, что отношения у них простые. Валентине, похоже, надо, чтобы Фатеев поверил, что побывал там. И зеленые действительно были ангелы, а не врачи и медсёстры в реанимации. Он не против её молитв и поездок в церковь, но Валентине, наверно, хочется, чтобы и он стал верующим, молился и ездил с ней.

— Вообще-то, зеленые куртки и брюки у хирургов. Нет, погоди, салатовые. По телевизору показывали, — говорит жена.

Фатеев с понимающей ухмылкой кивает. Переводит стрелки Валентина. Операцию-то ему не делали!..

Они сидят друг напротив друга, завтракают, и жена опять начинает говорить о вчерашнем. В школе залезли в компьютерный класс, украли два компьютера. Для их посёлка это событие. Пришлось вызывать милицию, по-новому, полицию. Выяснилось, сторожа ночью на месте не было. Валентина рада, что не залезли в её медкабинет, слава богу. Брать там особенно нечего, но всё равно. Заком по хозяйственной части директор приняла свою родственницу, а у той ни опыта, ни характера. Технички работают спустя рукава, дворник до сих пор не сбросил с крыши снег, хотя скоро начнет таять, зальёт классы на втором этаже. О столяре говорить нечего, неделями в запое.

— Обнаглели! — возмущается Фатеев. При нем такого не было. — Чего их директор не выгонит к чертовой матери?!

— А кого вместо брать? Все нормальные мужики у нефтяников.

— Ладно, а технички, сторожа? Сколько женщин в посёлке без работы!

— Это ты у неё спроси. Аньку Антонцеву, наверное, уволит, она вчера сторожила. Ещё удержит за компьютеры.

Фатееву сторожиху жалко, но он об этом не говорит. Валентина всем хороша, но ревнивая. Через Антонцеву многие мужики в поселке стали молочными братьями. Любвеобильная бабенка.

* * *

Валентина уходит к восьми, и опять встает вопрос, чем заняться. Посуду Евгений Герасимович моет тщательно, кухонный стол вытирает не спеша, со всей возможной старательностью. Но всё равно это минут десять, от силы пятнадцать.

Квартиру пылесосить рано, только вчера убирался. Белья ещё не накопилось, чтобы стирать. Валентина ругается, типа, береги сердце, но ему нужно что-то делать. Газета прочитана, а радио в это время лучше не слушать. Часа два сплошная реклама: биорезонансная терапия,

кремлевские таблетки, лекарства от гипертонии, катаракты, эректильной дисфункции и много чего ещё. Главное, успеть позвонить в ближайшие полчаса, будет скидка.

Фатеев хмыкает: прохиндеи! И выключает радио. Помогут лекарства или нет — вопрос. А то, что рекламу придется оплачивать пенсионерам, однозначно. На них она и рассчитана, остальные в такое время на работе. Это плюс к стоимости самих лекарств. Оборзели!..

«Как другие мужики живут?! Не один же я пенсионер! — в сердцах думает Фатеев, слоняясь по квартире. — Кто в гаражах не пьет, бабам не интересуется, хоккеем не смотрит!..»

Самое тоскливое время суток. За окнами едва светает, медленно, неохотно, будто из-под палки. Вообще, на Севере крайности, летом бесконечный день, зимой бесконечная ночь. Разве дело, когда в десять ещё темно, а в начале третьего уже темно? Черт занес их сюда после службы. Можно подумать, без северных надбавок не прожили бы.

Как-то по телевизору показывали фильм «Война и мир», ещё старый, советский. Батальные сцены Евгению Герасимовичу очень понравились, но по-настоящему зацепило другое. Один из героев поднимался по лестнице и думал о жизни. Люди придумали себе занятия, чтобы не чувствовать пустоты. Один увлекается лошадьми, другой охотой, третий политикой, четвертый ещё чем-нибудь.

Его жизнь и ту, что показывали в фильме, сравнивать нельзя, но Фатеева будто током пробило. Служба, а потом работа в школе нужны были, чтобы тоже заполнить пустоту?.. После гарнизона он мог вообще не работать, военную пенсию получает. Для чего вообще жизнь, если пустота? Не только у него — у каждого. Чтобы есть, гадить и размножаться?.. Не может такого быть. Человек не лошадь и не собака. Должно быть что-то ещё.

Пробившая тогда мысль немного сгладилась, но Евгений Герасимович то и дело натывается на неё. И, словно от боли, щурит глаза. А тут ещё зеленые ангелы, вернувшие в реанимацию. «Может, неспроста совпало?» — думает Фатеев.

Дождавшись, когда на улице станет более-менее светло, он одевается и направляется в

магазин. Теперь в семье продуктами занимается он, пусть Валентина ворчит сколько угодно. Выправка ещё осталась, Фатеев шагает бодро, с удовольствием дышит морозным воздухом. Сердце работает ровно, наполнение хорошее, нигде не болит. Март, но весны ещё не чувствуется, даже в середине дня будет минусовая температура.

В магазине в этот ранний час почти никого. Лишь Анька Антонцева покупает своим погодкам сникерсы. Иначе они не соглашались идти в детский сад.

— Здорово, орлы! — приветствует семейство Фатеев и по привычке прикладывает ладонь к шапке. — Опять мамку доите?

Погодки избалованы, привыкли, что разные дяди с ними веселы и говорливы, поэтому на слова Фатеева не реагируют. Антонцева мельком смотрит на него. Веки припухли, лицо бледное, но Анька держит фасон. Разбитным голосом говорит:

— А кого мамке ещё баловать?.. Жизнь не побалует, пусть пользуются, пока у мамки есть возможность!..

Фатеева тянет сказать, что такой возможности у неё практически не осталось, но он сдерживается. Анькин моральный облик оставляет желать лучшего, это да, но и судьба бабенке досталась непростая. Первого мужа похоронила — рак, второй работал вахтовым методом в Лангепасе, познакомился там с какой-то женщиной, ушёл к ней. С третьим ещё что-то случилось. Анька по характеру легкая, простаивать своей киске не даёт — жизнь-то уходит. Жаль только, что дети всё видят. На что будут жить, если мать уволит? Ещё за компьютеры придется платить, вряд ли милиция-полиция найдет воров.

— Бывайте! — говорит он вслед Аньке с её погодками, зажавшими в варежках по сникерсу. И опять прикладывает ладонь к шапке.

Его голос звучит сочувственно, и Антонцева оглядывается.

* * *

Фатеев знает, что нравится женщинам среднего возраста. Он похож на благородного кав-

казца: нос с горбинкой, усы, седина на висках. Валентина ревнует не зря, она и аборт сделала, что была в нём не уверена, — погуливал, когда жили в гарнизоне.

Внешность ещё не всё, к женщинам надо иметь подход. Фатеев прикидывает, с чего начать разговор. Нужно, чтобы всё выглядело так, будто он зашёл по пути. Сумка с продуктами кстати. Если директор откажет, будет не так неудобно, если бы зашел специально.

«Симпатичные пацаны», — думает Фатеев про погодков. У них с Валентиной тоже могли быть такие. Уже внуки. Мысль неприятная, шемаящая, и Фатеев старается не думать об этом. Ничего не изменишь.

Татьяна Семеновна встречает его приветливо, хотя катавасия с компьютерами, похоже, ей тоже достается нелегко. Лицо невыспавшееся, оплыло, косметика не в силах это скрыть. Однако сорокалетние женщины особенно чутки к словам о своей внешности, и Фатеев говорит, что она отлично выглядит.

По глазам директора ясно: она всё прекрасно понимает, но слышать такие слова всё равно приятно.

— Дамский вы угодник, Евгений Герасимович, честное слово!..

Фатеев согнутым пальцем поглаживает усы, говорит с акцентом:

— Честью джигита клянусь!..

Директор смеется, Фатеев улыбается. Контакт есть, но важно не перегнуть палку. Татьяна Семеновна всё-таки начальник, по армейскому ранжиру, не меньше чем командир роты. Вести себя с ней как с обычной женщиной нельзя. И Фатеев сгоняет игривую улыбку. Субординация.

— Жаль пацанов, — говорит он, вздыхая, и смотрит себе под ноги. — Они не виноваты, что мамаша такая. На что теперь будут жить, неизвестно... Вы ведь Антонцеву уволите?

Директор тоже перестает улыбаться.

— Придется.

Но баба остается бабой, даже если начальник. К тому же по своей природе они нуждаются в мужском руководстве. И Фатеев принимается развивать мысль о том, что дети не должны

страдать из-за непутевой матери. И попадает в яблочко, дети — чувствительная точка для любой женщины. Почти. Фатеев поворачивает мысль так и этак, пока в лице директора что-то не меняется.

— Хорошо, я оставлю Антонцеву, — говорит она. — Но при условии, что вы займетесь ею. И другими тоже.

— В смысле? — Фатеев выпрямляется, без улыбки смотрит на директора. Что было, то было, но в этом посёлке он оснований для подобных намёков не давал.

Татьяна Семеновна отводит глаза, ей забавна его реакция.

— Всего лишь предлагаю вам вернуться в школу. Человек, которого я взяла после вас, написала заявление... Сама поняла, что не тянет. К такому повороту Фатеев не готов.

— Мне нужно подумать.

— Конечно, Евгений Герасимович, конечно! Но думайте быстрее. Работа запущена, надо исправлять.

Когда Фатеев выходит на улицу, в голове у него полный кавардак. Хваткая бабеч! Сколько вместе работали, а он даже не подозревал, что до такой степени. Опять же этот намек на грани фола... При нём вызвала секретаршу и распорядилась подготовить на Фатеева приказ. Типа, пусть полежит вместе с приказом на увольнение Антонцевой. Она подпишет какой-нибудь один.

Хочется найти себе дело, очень хочется! Но что сказать Валентине? Начнется: вдовой меня сделаешь, одну оставишь!.. Слезы. А ещё неизвестно, от чего быстрее можно отбросить копыта — от дела или безделья. Но попробуй Валентине докажи.

Нужно всё хорошо обдумать, и Фатеев замедляет шаг, неторопливо идет по поселку. Сумку с продуктами он держит в правой руке — так вес не давит на сердце. День разошёлся, даже солнце порой проглядывает. Оно пока ходит над самым горизонтом, но весна не за горами даже в здешних краях. Скоро вороны прилетят. Где-то весной прилетают грачи, а здесь вороны. Север.

У детского сада ему встречается Антонцева. Анька разве что не бросается на шею.

— Евгений Герасимович, выручили! Спасибо вам большое, миленький!..

Понятно, секретарша успела позвонить, Анька уже в курсе. Фатееву приятно видеть её радость, но он Антонцеву остужает:

— Не торопись, я ещё не решил. Второго инфаркта мне с вами не хватало!..

Анькино лицо тускнеет, но лишь на секунду. Неистребимая жизнерадостность, привлекающая в ней мужчин, берет своё.

— Не будет инфаркта, Евгений Герасимович! — горячо уверяет она. — Разве в школе не понимают? Мы люди или кто?..

По всему видно, Аньке хочется сказать что-то ещё. Она, намекаясь взглянув исподлобья, поводит плечом, прикусывает губу... Нельзя сказать, что это не действует на Фатеева. Ему всего пятьдесят три, одна молодежь думает, что это много.

— Я могу вас отблагодарить...

— Чего несешь, дура! — взрывается Фатеев. — Не понимаешь ни хрена! Нужна мне твоя благодарность!..

Оставив растерянную Аньку, он крупным шагом уходит. Вот дурища, к чему всё сводит! Ради её киски он согласился, что ли?.. В смысле, почти согласился вернуться в школу.

Понемногу Фатеев успокаивается. Минут через пять думает, что зря сорвался. Во-первых, сердце надо беречь. Во-вторых, кто виноват, что у Аньки это единственный способ отблагодарить. Может, со временем по-настоящему поймет, что к чему в жизни. Ему самому нужно было дожить до пятидесяти с гаком, инфаркт перенести, ангелов увидеть, чтобы забрезжило.

«Что Валентине скажу?» — думает Фатеев. Эта мысль занимает его сейчас больше всего. Как-никак жена, родной человек, вместе доживать.

Краям сознания мелькает: хорошо бы помочь рассчитаться за компьютеры. Не Антонцевой помочь — её пацанам. Кое-что у них с Валентиной отложено, да и другие в школе должны понять.

Все-таки люди.

Сергей Артемович ЛУЦКИЙ

родился в 1945 г. Окончил индустриальный техникум
и Литературный институт им. А.М. Горького.

Прозаик. Публиковался в журналах «Север», «Юность»,

«Октябрь», «Урал», «Врата Сибири»,

«Роман-газета», «Сибирские огни» и др.

Автор более десятка книг, в их числе

«Десять суток, не считая дороги»,

«Яблоко в желтой ли-стве», «Параллельные миры»,

«Варианты Надежды Вилоровны».

Трижды лауреат премии губернатора ХМАО-Югры

по литературе, Всероссийской премии

имени Д. Мамина-Сибиряка и др.

Член Союза писателей России.

